

Борьба за историческую идентичность

Феномен «византизма» и его восприятие
в России и на Западе

Одним из оснований культурной, религиозной, политической и национальной идентичности российского общества на протяжении столетий выступал византизм. Он включал в себя целый комплекс поведенческих установок и социально-политических обычаев и тесно переплетался с еще одним феноменом российской истории — мессианизмом, или первым великим мессианским проектом России, ее имперским самосознанием.

Византизм служит обозначением авторитарного, деспотического аграрного государства. В российской исторической и социально-философской литературе этот термин прижился вследствие того, что существует распространенное мнение о том, что внешние формы подобной организации общества во многом были заимствованы Россией из Византии, хотя схожие черты имели и другие территориально интегрированные империи.

О Византии: историки, философы, политики и публицисты

Важно сразу отметить, что в русской философской, политической и религиозной мысли византизм рассматривался с разных позиций. *Философы* акцентировали внимание на византийском культурном влиянии на Россию, анализируя его социокультурные и религиозные аспекты, соотношение русской культуры с культурой Запада и Востока.

Политики и публицисты прежде всего интересовались Византией в контексте идеологии Третьего Рима и вытекавшей из нее уверенности в правах России на решение в свою пользу «восточного вопроса», законности русских притязаний на византийское наследие — Константинополь и Прованс. И даже на власть над православными народами, составлявшими когда-то Византийскую империю или входившими в орбиту ее влияния, а впоследствии поработенными турками.

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович — старший научный сотрудник Центра международных и региональных программ историко-культурного и природного наследия Российского института стратегических исследований (РИСИ), кандидат философских наук.

Ключевые слова: Россия, русская история, идеология, идентичность, византизм, Византия, национальный миф, национальное самосознание.

Религиозное рассмотрение вопроса о русском византизме тесно переплеталось с первыми двумя подходами (философским и политическим), но в значительной мере опиралось на перенятое у греков православие и восточное богословие — как живую традицию, уходящую своими истоками в византийское прошлое.

Совершенно особой областью исследований был *исторический подход* к рассмотрению византийских влияний на Россию и значения Византии для русского национального самосознания. Дело в том, что в истории российской социально-философской и политической мысли византизм служил, прежде всего, в качестве мощной идеологии, национального мифа, убежденность в объективности существования которого на протяжении трех столетий направляла внешнюю политику России и определяла ее общественное мнение. Вера в судьбоносное значение византийского влияния для судеб Русского государства, в мировую миссию России, в Святую Русь совершенно вытеснила анализ реального положения дел в их фактической, исторической перспективе. Являясь общепризнанной идеологией России, пик которой пришелся на XIX — начало XX столетия, русский византизм остался малоизученным явлением, так как всегда был связан с областью национальных мифов.

После падения Константинополя возникло множество легенд о том, при каких обстоятельствах город вернется христианам. Одной из них была легенда о священнике, проводившем службу в храме Святой Софии во время штурма города турецкими войсками. Когда турки ворвались, стены собора раздвинулись и укрыли священнослужителя. Легенда гласила, что в тот день, когда город будет освобожден от мусульман, этот священник закончит прерванную когда-то службу. Незадолго до Крымской войны в России широко распространилось предание, что именно через 400 лет после падения города, в 1853 году над Святой Софией снова воссияет крест. Именно в это время Николай I начал очередную русско-турецкую войну, незадолго до которой Ф. И. Тютчев писал в стихотворении «Пророчество» (март 1850 года)¹:

То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он — и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь». —
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

Когда русские поэты, мыслители, философы и публицисты говорили о Третьем Риме и Святой Софии, слова их были настолько ясны и очевидны для каждого, что не возникало необходимости подводить под них какие-то глубокие исторические обоснования. При этом если до

¹ Тютчев Ф. И. Сочинения : в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. С. 115.

Петра I русская книжная культура предполагала достаточно подробное знакомство с византийской историей и ее выдающимися светскими и духовными деятелями, то в послепетровские времена эти знания были практически утрачены. Зато идеология Святой Руси и Третьего Рима, выработывавшаяся допетровскими книжниками в монастырях, наоборот, была взята на вооружение и стала государственной, открыто декларируемой идеологией Российской империи. В результате такого стечения обстоятельств ни идеолог панславизма и Третьего Рима И. С. Аксаков, ни певец всеславянского единения Ф. И. Тютчев, равно как и Ф. М. Достоевский, Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев, никогда, в отличие от русских историков-византинистов, не занимались серьезным изучением византийской истории, а исходили из политических и национальных чаяний своего времени, рассматривая Византию преимущественно в публицистическом ключе.

Русский византизм как национальный миф

Среди подходов к феномену русского византизма выделяется концепция К. Н. Леонтьева. Строго говоря, провозглашение «византийских идеалов» как образца для России носило у Леонтьева сугубо эстетический характер и было вызвано не столько историческим анализом параллелей в русской и византийской истории, сколько отчаянием из-за того, что подвергшаяся европеизации Россия стремительно теряла свое самобытное культурное лицо и самосознание. В условиях размытого культурного самосознания и неясности исторической миссии славянства (представители которого постоянно сравнивали себя с Западной Европой) проповедовавшийся Леонтьевым византизм выступал источником культурной самобытности, которая отличала Россию от Запада.

Сложность анализа русского византизма заключается в том, что, несмотря на убежденность русской общественности XIX — начала XX века в призвании России освободить православные народы и реставрировать Византийскую империю (в какой бы то ни было форме), действительно историческими знаниями по этому вопросу обладали единицы. Национальный миф практически не подкреплялся серьезными теоретическими обоснованиями. Борьба с Турцией за византийское наследие с лихвой оправдывалась в глазах современников моральным чувством защиты угнетаемых единоверцев.

К. Н. Леонтьев считал, что византизм (или «византинизм», «византийность», «византийство») — это «прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия... Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея складывается из нескольких частных идей — религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных»². Византизм вы-

² Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 19.

ступает своеобразной основой российского культурно-исторического типа, неизменные характеристики которой сохраняются российским обществом на протяжении всей его истории. В этом же значении — как комплекс перенятых российским обществом социокультурных черт Византии и собственно византийских обычаев — рассматривали византизм Ф. И. Успенский и В. С. Соловьев.

Ведущий идеолог русского византизма — К. Н. Леонтьев полагал, что византизм как и славянство — единственные надежные источники, которые могли бы лечь в основу духовного самосознания российского общества. Леонтьев писал о необходимости популяризировать Византию, а Успенский мечтал вооружить русского обывателя столь необходимыми для русского самосознания знаниями об истории Византии³. Оба они видели в Византии ключ к разрешению извечной «проблемы Востока и Запада», обострившейся после петровских реформ, а расширение в обществе знаний о Византии считали способом укрепления русского самосознания.

Расколовшись на западников и славянофилов, русское интеллигентское общество не смогло преодолеть реформ Петра, восстановить сильное культурное самосознание допетровской поры, напротив — переняло презрительно-снисходительный западноевропейский взгляд на славян и отечественную историю. Из-за отсутствия в массах сколько-нибудь глубоких знаний о византийской (да и отечественной) истории, вопрос о русском византизме превратился в сугубо академический спор, развивавшийся в узкой среде специалистов и совершенно не затрагивавший общество в целом. Широкий общественный резонанс приобрела только идеология борьбы за византийское наследие, освобождение православных народов и водружение креста на храме Святой Софии.

«Всесторонней научной оценки культурного значения Византии, — писал в связи с этим Ф. И. Успенский, — еще не было сделано. А между тем ни для кого эта задача не представляет такой важности, как для нас. Для развития нашего исторического самосознания и для воспитания устойчивых взглядов на современные события нам следует серьезно считаться с тем, что оставила Византия в своих археологических памятниках и в своем наследстве. Византия для нас — не отвлеченная только проблема, а реальный предмет, изучение которого во многих отношениях связано с русской историей»⁴.

По мнению многих исследователей, кризис идентичности российского общества проистекает в том числе и из географического положения России, находящейся между Западом и Востоком. Однако, восприняв многое от Востока, российское общество отвернулось от него и уже давно стало смотреть только на Запад, усугубляя тем самым непонимание происходящих в государстве социально-политических и духовных про-

³ Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 2001. Т. 1. С. 5.

⁴ Там же. С. 57.

цессов. Между тем без объективного взгляда на собственную историю общество никогда не сможет проанализировать глубинные причины своего развития. Именно поэтому феномен византизма так важен для понимания не только истории России, но и ее современности, в том числе таких особенностей национального менталитета, как мессианизм и укоренившееся имперское мышление.

Характеризуя создавшуюся ситуацию, Ф. И. Успенский писал: «Если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, византизм, с своей стороны, становится идеалом славянского царства, к какому стремятся передовые славянские народы. Византизм идет от Киева до Москвы, под его началами складывается историческая жизнь, т. е. государственное и военное устройство юго-восточных славян; в связи с этим принципом стоит разделение Европы на две половины — православную и католическую, в каковых названиях столько же скрываются религиозные, как политические и этнографические различия. Византизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы. Этот принцип заправляет развитием многих народов и до настоящего времени, выражая собой склад верований и политических учреждений, равно как особый вид организации сословных и экономических отношений»⁵.

Византия дала России православие, письменность, идеологию и художественные традиции, вдохнула волю в русских правителей и пробудила их амбиции, став для России тем, чем Рим был для Запада. Константинополь стал культурным центром, в сферу влияния которого долго входили славянские племена. Только здесь они могли получить импульс дальнейшего развития.

Византия дала России православие, письменность, идеологию и художественные традиции, вдохнула волю в русских правителей и пробудила их амбиции, став для России тем, чем Рим был для Запада. Константинополь стал культурным центром, в сферу влияния которого долго входили славянские племена. Только здесь они могли получить импульс дальнейшего развития. Византия стала особым типом цивилизации, поведения, социальных связей, которые и по сей день не утратили своего значения.

⁵ Там же. С. 552.

Оценки Византии

Анализируя взгляды русского интеллигентского общества на византизм в целом, можно сказать, что положительной оценки русского византизма придерживались в основном правительство и славянофилы-почвенники. Западники же рассматривали византийское влияние как катастрофу. Этот взгляд выражен в знаменитом «философическом» письме П. Я. Чаадаева: «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии...»⁶

Еще более критично оценивал русский византизм В. С. Соловьев, который сравнивал византийское влияние с вековыми цепями, сковывающими тело православной церкви, с нечистым трупом, удушающим ее своим разложением⁷.

Негативная оценка Византии Чаадаевым (как, впрочем, и Соловьевым) определялась не столько историческими знаниями, сколько абстрактно-негативными представлениями о византийской цивилизации, господствовавшими в эпоху Просвещения. Так, Монтескье и Вольтер изображали византийскую историю «как самый мрачный эпизод средневекового варварства», а английский историк конца XVIII века Гиббон рисовал ее как непрекращающееся разложение⁸. К сожалению, этот поверхностный взгляд в дальнейшем получил определенное развитие. В результате даже в XX веке П. Лемерл имел все основания, чтобы бросить историкам упрек в том, что проще порицать Византию, чем ее изучать. Такое же предвзятое, пренебрежительное и невежественное отношение к византийской цивилизации долгое время демонстрировали и российские исследователи — прежде всего либерального и радикального направления, — упорно писавшие о византийском маразме и рабелепии⁹.

Из-за предвзятого отношения к Византии не замечалось главное, а именно — поразительная жизненная сила византийской цивилизации. В самом деле, хотя Западная Римская империя ушла в прошлое уже в конце V века н. э., но римский Восток в полной мере сохранил развитую городскую жизнь, процветающую экономику и культуру. «В силу странного противоречия, — писал Ш. Диль, — народы Запада, восхищаясь Византией, ее богатствами, ее великолепием, ее обаятельной цивилизацией, в то же время инстинктивно чувствовали недоверие к ее развращающей и порочной утонченности. Латинские принцы домогались наперебой чести вступить в брак с невестой из императорского дома — народ, к какой бы нации он ни принадлежал, страшился этих восточных красивых чаровниц, казавшихся ему созданными исключительно для того, чтобы изменять качества суровости и силы, какими он гордился. Византия на

⁶ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. СПб., 2004. С. 38.

⁷ Соловьев В. С. Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2004. С. 239.

⁸ См.: Горянов Б. Т. Предисловие // Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 6; Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. М., 2008. С. 374—375.

⁹ См. Герцен А. И. Былое и думы. Л., 1946. С. 134, 141, 284, 294.

весь Запад клала печать своего искусства, своей промышленности, своей роскоши. Тем не менее латиняне никогда не любили этих греков, слишком изобретательных, слишком изворотливых, слишком утонченных; признавая их превосходство, они в то же время опасались его... По мере того как благодаря крестовым походам соприкосновения между ними стали чаще, несогласия между греками и латинянами только возрастали. Никогда не дошли они до того, чтобы вполне понимать друг друга, и еще менее, чтобы дружески переносить друг друга; и на долю Византии, которой цивилизация была обязана такими крупными успехами, выпала странная судьба видеть одно недоверие и неблагодарность со стороны именно тех, кому она наиболее всего оказала пользы»¹⁰.

В целом рассмотрение Византии и ее влияния с европоцентричных позиций традиционно приводит к негативным, часто неосознанно *предвзятым* оценкам и имеет очень давнюю историю, восходящую ко временам крестовых походов. Примером такого шаблонно-поверхностного отношения могут, в частности, служить размышления известного британского историка А. Тойнби. Он попытался ответить на вопрос, почему имевшее невероятно благоприятные исходные позиции православие «не оправдало ожиданий, а Запад, не подававший никаких надежд в начале своего пути, достиг столь замечательных результатов в конце его»¹¹. Ограниченность православной экспансии А. Тойнби, как и многие другие исследователи, объяснял ориентацией Византии на сохранение традиционного образа жизни и мышления.

Имея все возможности для продвижения на Запад, православная цивилизация¹², как часто принято считать, не достигла успеха, так как все силы ее императоров направлялись на реанимацию Римской империи. Византия вела войны на Востоке, в Африке и на Балканах, пытаясь вернуть прежние территории. Государство, обладавшее регулярной армией и централизованным государственным аппаратом, стояло на недосягаемом для Запада уровне организации, но, несмотря на это, медленно клонилось к закату, в то время как Запад с каждым веком обретал все большую силу: «Западная Римская империя в течение многих веков была слабейшей из всех. Ничто в средневековой Европе не могло сравниться с великолепием и могуществом Византии, не говоря уже о халифате, в годы их расцвета. И, тем не менее, именно потомки средневекового западного христианства и их политические концепции в конце концов стали доминирующими в мире»¹³.

Между тем по сравнению с теологической тиранией папства византийское православие кажется достаточно либеральным. В отличие от ка-

¹⁰ Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994. С. 329–330.

¹¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002. С. 328.

¹² У А. Тойнби также встречается наименование «русская цивилизация», которая входит в тот же подвид, что и цивилизация византийская. Некоторые исследователи делят Православную цивилизацию на субцивилизации, границы которых менялись с течением времени: Византийскую, Славяно-русскую и собственно Русскую, Российско-православную или Российскую.

¹³ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 54. Ср.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 330.

толицизма, православие не навязывало всем крещеным народам единого языка богослужения¹⁴. Но это неоспоримое преимущество, по мнению А. Тойнби, никак не отразилось на успехах религиозного противостояния Западу. Восприняв христианство от Византии, страны *Византийского содружества наций* (по терминологии Д. Оболенского) использовали собственные языки для богослужения. Их наличие, с одной стороны, делало византийскую проповедь христианства намного более привлекательной для вновь обращаемых народов, в отличие от католического Рима, неусыпно отстаивающего латинскую Библию и литургию. Но одновременно с этим богослужение на национальных языках ослабляло потенциал византийского культурного влияния, проводником которого мог бы быть греческий язык. Его монополия по латинскому западному образцу теоретически могла бы упрочить влияние Византии и передать попавшим в его сферу народам значительно большее количество ценностей греческой философии и науки, чем они получили де-факто.

В результате отсутствия доминирования греческого языка в богослужении, а значит — и в культурной жизни новообращенных православных народов, византийское влияние было воспринято преимущественно в общих, подчас весьма грубых формах. Значительная часть цивилизующего потенциала Византии оказалась невостребованной народами византийского круга. Таким образом, Священное Писание и богослужение на разговорных языках можно рассматривать в качестве тормоза интеллектуального и духовного развития Православной цивилизации с большим основанием, чем будто бы «неправильный» стратегический выбор принятия христианства не у Запада, а у Византии.

В то же время было бы неверным и односторонним рассматривать латинский язык католического богослужения как проявление исключительно централизаторского устремления папского Рима, подавлявшее местные особенности. Вероятно, латынь в этом качестве сохранялась, в том числе и благодаря тому, что она не ассоциировалась с Римом как центром политической власти. Позиции латинского языка в средние века были далеко не так сильны, как в Римской империи эпохи Цезарей.

В целом опирающийся на европоцентричную картину мира взгляд А. Тойнби на мнимый неуспех православного противостояния Западу не учитывает достижений православной экспансии на Востоке¹⁵, где впоследствии возникло самое большое православное государство мира — Россия. В какой-то степени Тойнби прав, когда говорит о бесславном конце Православной цивилизации в ее византийской ипостаси, учитывая ее исходные позиции в начале противостояния с Западом. Но такая оценка исходит из принятия западных ценностей, и прежде всего — прогресса, в качестве абсолютных. Кроме того, возникает вопрос: может ли крах цивилизации в принципе быть «славным»? Тем более что любые цивилизации смертны, и только западная вера в прогресс и науку не желает

¹⁴ См., например: Мерчуле Георгий. Житие Григория Хандзтели // Древнегрузинская литература (V—XVIII вв.). Тбилиси, 1987. Гл. XLIII. С. 165.

¹⁵ Об успехах распространения православия см.: Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 2001. Т. 3.

осознавать этого и оценивает завершённые жизненные циклы ушедших цивилизаций с точки зрения современного состояния Запада или исторического опыта последних 400 лет его мирового доминирования.

Сталкиваясь с западными оценками Византийской империи, необходимо помнить о том, что к моменту выхода предков современных народов Европы на подмостки истории Византия была уже немолодой цивилизацией, обладавшей с глубокими традициями. И сравнивать эти молодые народы с Византией с точки зрения успехов последующих веков неправильно в первую очередь в силу того, что *у Западной Европы и Византии в реальности не было общей точки «исторического старта»*. В V, VI и VII веках Восточная Римская империя находилась далеко впереди народов Европы и закономерно завершила свой исторический путь раньше их, исчезнув в середине XV столетия.

Реальное место Византии в средневековом мире

Выдающийся французский византинист и знаток византийского искусства Ш. Диль следующим образом охарактеризовал место Византии и ее знаменитой столицы в средневековом мире: «...Константинополь привлекал к себе всеобщее внимание. Весь мир грезил о нем, как о городе чудес, окруженном золотым сиянием; о нем мечтали в туманах Скандинавии, на берегах русских рек, которыми северные искатели приключений спускались к несравненному Царьграду; о нем мечтали в феодальных замках далекой Франции, куда героические поэмы, например, поэма о путешествии Карла Великого в Иерусалим, доносили чудесную весть о славе Византии; о нем грезили в венецианских банках, где знали о богатстве византийской столицы и о выгодных сделках, которые можно совершать на Босфоре. И со всех сторон мира Константинополь привлекал к себе иностранцев. Скандинавские викинги приходили сюда, чтобы служить в императорской гвардии, и рассчитывали составить себе здесь состояние; русские записывались в императорскую армию и флот и давали им хороших солдат; армяне входили в состав лучших корпусов византийской армии. В Константинопольском университете вокруг знаменитых учителей толпились ученики со всей Европы, иностранцы, стекавшиеся сюда из арабского мира и даже иной раз с Запада. Константинополь, по одному меткому определению, был Парижем средних веков»¹⁶.

Несмотря на то, что влияние Византии на Запад постепенно ослабевало и империя (или то, что от нее с течением времени осталось) становилась все более зависимой от него, это влияние — факт реальный, хотя и мало осознаваемый. В первую очередь это видно, если обратиться к искусству — мозаике, зодчеству, иконописи и даже фортификации: «Церкви Равенны, даже Рима, обнаруживали в своей архитектуре и мозаиках следы восточного влияния. В Риме существовал целый греческий квартал, где было несколько византийских монастырей. Рим VII и VIII веков представлял собой полувизантийский город, а базилика церкви Санта-

¹⁶ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с фр. Б. Г. Горянова : под ред. С. Д. Сказкина. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. С. 29.

Мария-Антиква у подножия Палатина и прекрасная часовня св. Зенона в церкви св. Праксиды показывают, что там еще долго оставалось в силе греческое влияние. Венеция, с другой стороны, по своим нравам и вкусам была вполне греческим городом; базилика св. Марка, построенная по образцу константинопольской церкви св. Апостолов, украшенная сверху донизу византийской мозаикой, еще и теперь дает нам в мерцании своего пурпура и золота наиболее точное отражение того, чем был в X и XI веках византийский храм. Аббаты Монте-Кассино и римские папы, норманнские короли Сицилии и венецианские дожи посылали в Константинополь за архитекторами для постройки храмов, за мастерами мозаики для их украшения и поручали привозить из столицы на Босфоре предметы роскоши, в которых они нуждались: двери, украшенные барельефами, драгоценные раки с блестящими украшениями из эмали, точеную слоновую кость, прекрасные ткани, из которых изготовлялись покрывала для алтарей или одежда для правителей. Во всей Южной Италии, которая до конца XI века составляла часть империи, господствовало греческое влияние. Греческие монахи, скрываясь от вторжений арабов или от преследований иконоборцев, основывали там сохранившиеся до сих пор монастыри и скиты, украшенные фресками с греческими надписями... В столице Сицилии Палермо норманнские короли с гордостью носили великолепное облачение византийских императоров и строили украшенные мозаикой церкви — Марторану и Палатинскую часовню, — в которых можно проследить влияние византийской иконографии и византийского искусства...»¹⁷

Следы влияния византийского искусства обнаруживаются и в Германии, и во Франции. Особенно велико для развития Западной Европы было значение падения Константинополя в 1453 году, которое не без основания считают одним из факторов, содействовавших развитию итальянского Возрождения. В это время искавшие спасения византийцы познакомили Запад с рукописным наследием своих библиотек. Во второй половине XIII века английский король Эдуард I воздвиг в Уэльсе замок Карнарвон, очертания башен, стен и зубцов которого были навеяны знаменитыми укреплениями византийской столицы, которая, выдержав за свою более чем тысячелетнюю историю множество осад, была взята только два раза — крестоносцами в 1204 году и турками в 1453-м. В VII веке Константинополь устоял перед натиском арабов, послужив мощным заслоном их продвижению в Европу.

Если Византия смогла оказать такое влияние на Запад, то ее влияние на Восток тем более нельзя недооценивать. По мнению Д. Оболенского, несмотря на все раздражение, которое могло вызывать «греческое великодержавие», в средневековой Восточной Европе не было ничего подобного тому вызову, который в XII веке бросил империализму Гогенштауфенов Иоанн Солсберийский, вопрошавший по поводу Священной Римской империи германскую нацию: «Кто назначил немцев судьями народов?» Как бы ни раздражала Византия воспринявшие от нее христианство народы, как бы они ни восставали против нее, даже ненавидели ее, авторитет Византии как

¹⁷ Там же. С. 31, 32.

наследницы Рима оставался неоспоримым: «В конце концов тот факт, что на протяжении всего существования империи ни одна нация Восточной Европы не смогла успешно бросить вызов ее религиозному и культурному превосходству, ее притязаниям быть воплощением римских традиций универсализма, — наилучшее доказательство того, что Византийское Содружество не было только выдумкой человеческого воображения»¹⁸.

В целом следует подчеркнуть: не следует транслировать реалии современности или более поздних эпох на отдаленные, более ранние периоды истории. Успехи византийской дипломатии долгое время являлись правилом, а не исключением. Религиозная пропаганда и миссионерская деятельность среди окружающих империю народов дали поразительные результаты. Болгарское царство и Русь пошли за Византией. Это был блестящий успех внешней политики империи и лично константинопольского патриарха Фотия, придававшего большое значение распространению христианства среди варварских народов. Выбор Владимира Святого (а до него — его бабки, княгини Ольги) был предельно актуальным, соответствовавшим международной обстановке тех лет, отвечал внешнеполитической конъюнктуре.

Хотя период вхождения в орбиту византийского влияния славянских народов можно отнести к началу упадка империи и едва забрезжившей заре западноевропейской истории, в VII—X веках эта часть мира еще не имела такого веса, который приобрела в дальнейшем. И у современных историков нет никаких оснований переоценивать значение Западной Европы того времени, перенося последующий блеск европейской истории на ее блеклое начало.

Демократические и меритократические черты византийской социально-политической системы

Отдельный интерес представляют некоторые «демократические» и «меритократические» черты византийской социально-политической системы. Византийским самодержцем мог стать любой человек, вне зависимости от своего происхождения, причем социальное происхождение его жены, императрицы, также отнюдь не обязательно должно было быть связано со знатью.

Как правило, поиск невесты осуществлялся путем рассылки императорских гонцов в разные концы империи с целью отбора наиболее красивых девушек определенного возраста, роста, телосложения, размера ноги, из числа которых впоследствии уже в самом Константинополе выбирали будущую супругу императора. Выбор мог осуществлять сам император или наследник (будущий василевс), либо это делали регенты и императрица-мать. В лучшие периоды своей истории Византия была настолько горда и так высоко ставила престиж своих правителей, что настоящей традиции династических браков с правящими семействами других государств не возникло, хотя в дальнейшем браки с женщинами иноземного происхождения и стали распространенным явлением.

¹⁸ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L., 2000. P. 3.

Константин Багрянородный предостерегал сына от супружеских уз с уроженками чужих земель¹⁹. С другой стороны, императорский двор с пренебрежением рассматривал брачные предложения иностранцев, которых воспринимали как неверных, безвестных варваров, недостойных византийских принцесс. Киевскому князю Владимиру пришлось взять Херсонес (Корсунь), чтобы под угрозой дальнейшего похода на Константинополь вынудить византийского императора Василия II выдать за него свою сестру Анну. Причем последняя сохранила свои византийские титулы, осталась *царицей* и сыграла важную роль в крещении Руси. В этих условиях византийские принцессы рассматривали заграничное замужество как ссылку к варварам, да и в самой Византии принимали династические связи с иностранцами как необходимость, понижающую престиж императоров Нового Рима — Константинополя. До эпохи Комнинов и Палеологов жен, как правило, искали, исходя из их внешних данных, нравственных достоинств и иных факторов, в числе которых происхождение не имело первостепенного значения.

Если сравнивать Византию со средневековой Европой, важным отличием их политических традиций выступает факт *значительного влияния женщин на политическую жизнь Византии*. Интересно отметить, что бракосочетание следовало за коронацией, а не предшествовало ему; не император представлял новую императрицу народу, а она сама являлась и торжественно представлялась ему: «Перед ней склоняются знамена, великие мира и чернь падают ниц, простершись во прахе, вожди партий выкрикивают свои освященные обычаем приветствия. Она же, в строгой торжественности... склоняется сперва перед крестом, потом кланяется своему народу, и к ней летит его единогласный крик: “Боже, спаси августу!”»²⁰. Императрица, таким образом, получала свою власть не потому, что являлась женой императора, а потому, что была избранницей Бога, и значит — равной самому василевсу. Конечно, на практике многое в судьбе византийских цариц зависело от их собственного характера, как и от личных особенностей их мужей, а также конкретных обстоятельств. Больше того, многие из них впоследствии оказывались сосланы в монастырь. Все это, однако, не отменяет факта политического значения роли византийских императриц.

В случае смерти императора и отсутствия назначенного им преемника императрица оставалась носителем верховной власти²¹ и могла передать ее тому, кого считала нужным: «Хранительница власти, — писал Ш. Диль, — она по своему усмотрению может любого произвести в императоры, управлять в качестве регентши за своих несовершеннолетних детей или царствовать сама. В то время как германский Запад с негодованием отнесся бы к тому, чтобы власть перешла к женщине, восточная Византия без сопротивления признала царицу, которая в официальных актах с гордостью называла себя: “Ирина, великий василевс и автократор римский”»²².

¹⁹ См. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.

²⁰ Диль Ш. Византийские портреты. С. 26.

²¹ См. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. С. 117.

²² Диль Ш. Византийские портреты. С. 28, 78.

Никакого аналога салического закона, согласно которому женщины не имели прав наследования власти, послужившего, например, поводом к Столетней войне между Англией и Францией на Западе Европы, в Византии не существовало.

Византийский престол знал немало властных женщин, правивших от своего имени или сменявших императоров: Феофано свергла выдающегося полководца Никифора Фоку (963—969) и содействовала восшествию на престол Иоанна Цимисхия (969—976); Ирина приказала ослепить собственного, достигшего совершеннолетия сына (Константина VI (776 (790)—797), чтобы не делить с ним власть; престарелая Зоя II Порфирогенита последовательно возвела на трон четырех императоров: Роман III Аргир (962 (1025)—1028), Михаил IV Пафлагон (1034—1041) и Константин IX Мономах (1042—1055) стали императорами посредством браков с ней, а племянник Михаила Пафлагона, Михаил V Калафат (1041—1042) был усыновлен ею и провозглашен официальным наследником. Совершенно необычным фактом византийской истории стало совместное правление Зои с Феодорой, когда гинекей (женская половина дворца) превратился в официальный государственный центр²³. Впоследствии Феодора назначила своим преемником Михаила VI Стратиотика (1056—1057).

К этому перечню примеров возможностей византийских женщин можно прибавить еще один эпизод: император Алексей I Комнин (1081—1118) доверил полноту власти своей матери Анне Далассине. Когда в 1081 году император отправился на войну с норманнами, он торжественным хрисовулом²⁴ поручил «своей святой, глубоко почитаемой матери» заботу об управлении империей, право управления судом, финансами, провинциями, право назначать на любые должности и посты²⁵.

Внучка Анны Далассины, Анна Комнина (1083 — ок. 1148), была одной из образованнейших женщин своего времени. Хотя ее «Алексиада» тенденциозна, пропитана нескрываемым восхищением императором Алексеем, это выдающийся исторический труд, необыкновенный литературный памятник. При работе над ним византийская принцесса пользовалась не только устными рассказами очевидцев и собственными воспоминаниями, но и императорскими архивами²⁶. Она внесла в свою книгу подлинные тексты некоторых дипломатических актов, документы частной переписки, а повествуя о крестоносцах, пользовалась латинскими, утраченными ныне источниками. Современник сказал об Анне, что если бы ее знала античная Греция, она присоединила бы «четвертую грацию к грациям, десятую музу к музам. Соглашаясь с этим утверждением, Ш. Диль писал: «Это была, во всяком случае, женщина замечательная, один из самых удивительных женских умов, когда-либо бывших в Византии, женщина, стоявшая выше большинства мужчин своего времени»²⁷.

²³ О перипетиях царствования Зои и Феодоры см., например: Пселл М. Хронография. М., 1978. С. 21—136.

²⁴ Хрисовул — документ, скрепленный золотой печатью.

²⁵ См. Диль Ш. Византийские портреты. С. 221.

²⁶ Анна Комнина. Алексиада. СПб., 2010.

²⁷ Диль Ш. Византийские портреты. С. 255—257.

Думаю, можно утверждать, не опасаясь погрешить против истины, что в Западной Европе XI—XII веков и средних веков в целом, не было аналогов такой женщины-политика и женщины-автора, какой была дочь Алексея Комнина Анна.

Роль женщин в истории Византии и в ее политических институтах, престолонаследии так же, как и некоторые *демократические признаки* византийской политической системы, демонстрирует, насколько неверно рассматривать Византию как исключительно авторитарное и «остановившееся в своем развитии» государство. Между тем, учитывая устоявшуюся антивизантийскую предвзятость многих ученых, дающую о себе знать при любом упоминании этого государства²⁸, было бы полезно провести отдельное исследование тех *прогрессивных* сторон ее жизни, которые так любят превозносить современные апологеты «западных ценностей». Не говоря уже о наличии в византийской политической практике своеобразного принципа *меритократии*²⁹ — продвижения по социальной лестнице на основе личных заслуг и достоинств, а не знатности происхождения³⁰.

К несчастью для популяризации Византии и ее живого и непредвзятого восприятия среди ученых оказалось не так много людей, которые подобно Ш. Диллю смогли увидеть и показать своим читателям многоликость Византии, буйство ее красок, яркость ее жизни, а не только церемониал византийского двора и высокомерие имперской идеологии.

При внимательном рассмотрении некоторые следы византийской культуры еще и теперь могут поражать своей актуальностью, необычайной современностью звучания: тексты Михаила Пселла и мозаики и фрески Хоры (Церкви Христа Спасителя в Полях) динамичны, ярки и дышат жизнью, несмотря на 900 с лишним лет, отделяющих нас от первых и 700 — от вторых. Труды Пселла по математике могут быть неинтересны и отражать упадок в Византии точных наук, зато его «Хронография» удивляет своей живостью и ясностью изложения. Мозаики и фрески Хоры совершенно необыкновенны и погружают в неизвестный загадочный мир давно исчезнувшей Византии. Отдельные изображения — как, например, фреска с ангелом, разворачивающим Вселенную, представленную в виде свитка в его руках, — кажутся настолько современными, что сложно поверить в то, что их создавала рука мастера, жившего многие столетия назад³¹. Только отдаленное, поверхностное знакомство с Византией может создавать господствующее представление о ней как неживом, застывшем в веках организме.

В условиях, когда Россия в возрастающей степени сталкивается с враждебным идеологическим давлением Запада, представляется необходимым укреплять в обществе собственные уникальные ценности, отстаивать свои идеалы, знать, любить и уметь ценить свое историческое и культурное наследие, неотъемлемой частью которого является колоссальное культурное наследие, воспринятое Русью от Византии. ◆

²⁸ Каждан А. П. Византийская культура (X—XII вв.). СПб., 2006.

²⁹ Меритократия — власть наиболее одаренных людей, независимо от их социального происхождения.

³⁰ См. Диль Ш. Император Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. Минск, 2010. С. 40—41.

³¹ См. Aksit I. Museum of Chora. Mosaic and Frescoes. Istanbul, 2003. P. 135, 136—137, 142.